

Лю Шуньцзе так и не смог успокоиться. Припадая на раненую ногу, он потащился назад в надежде поймать мальчишку, но Гоуданя и след простыл. От злости Лю Шуньцзе со всей силы хлопнул себя по бедру, но лишь взвыл и заскрежетал зубами от резкой боли. Прошипев сквозь зубы пару отборных ругательств, он свернул в переулок и окольными путями пробрался в город. С сегодняшнего дня жене придется просить отгул на фабрике — сошлется на то, что муж сильно расшибся при падении.

Да, у Лю Шуньцзе, как у любого уважающего себя горожанина, имелась работа. Он числился обычным рабочим на самом тяжелом участке завода. Платили немного, но на жизнь им с женой хватало. Вокруг все жили скромно, так же перебиваясь от получки до получки. Вот только Лю Шуньцзе с самого детства отличался беспокойным нравом и терпеть не мог монотонный труд. Место на заводе, которое семья выбила для него с огромным трудом, он ни во что не ставил. Его вечно тянуло на сомнительные заработки, а к официальной службе он относился спустя рукава. Однако в нынешние времена общество подобных вольностей не прощало.

Гоудань бесшумно юркнул в густые заросли кустарника, где прятался Ван Сюань. Пёс Дагуай сразу почуял его: радостно подскочил, закрутился на месте и бешено завертел хвостом.

— Как там Сяогуай?

Дагуай лишь продолжал вилять хвостом и преданно лизать его ладонь, не в силах ответить. Гоудань ласково потрепал пса по загривку, раздвинул ветки и заглянул вглубь убежища. Ван Сюань и Сяогуай бесцеремонно развалились на земле и спали без задних ног, сопя в один голос.

Гоудань сладко зевнул. Вообще-то он никогда не спал днем, но после всех сегодняшних тревожлений усталость навалилась свинцовой тяжестью. Пиная прелую листву и сухую траву, он опустился на землю. В воздухе плыл едва уловимый горьковатый аромат целебных трав. Гоудань сразу понял, что Ван Сюань уже перевязал Сяогуая, а лежащие рядом мешочки — это средство от комаров. Вокруг кишели лесные муравьи, и без этого пахучего снадобья мальчики проснулись бы искусанными с ног до головы.

Достав из пространственного кармана легкое одеяло, Гоудань заботливо укрыл друга и раненого пса, а сам, набросив на голову плотную куртку, мгновенно провалился в сон.

Тем временем Ли Сы в глубокой тревоге дожидался окончания сдачи зерна. Когда все наконец закончилось, мужики гурьбой двинулись в сторону снабженческо-сбытового кооператива, чтобы купить хоть что-то полезное для дома. Ли Сы похлопал себя по карманам — пусто, ни единого фэня. Только сейчас он вспомнил, что все скудные сбережения и талоны отдал Гоуданю. Впрочем, отец прекрасно понимал: денег в семье отродясь не водилось, и у сына вряд

ли наберется больше одного юаня.

Проведя ладонью по лицу, Ли Сы решил никуда не ходить. Он примкнул к тем немногим землякам, у которых тоже не было лишних грошей, и зашагал к выходу из города. Мужики договорились собраться на окраине у места ночлега и просили тех, кто ушел за покупками, не мешкать: путь до деревни предстоял неблизкий.

— А где твой Гоудань? Неужто один домой пошел? — спросил кто-то из попутчиков.

— Да нет, ждет меня за городом, — отозвался Ли Сы.

Собеседник покачал головой и с уважением вздохнул:

— Шустрый он у тебя, смелый. В городе ни капли не тушует, сам везде шастает. Я вот взрослый мужик, а в уезде порой чувствую себя не в своей тарелке.

— Да просто мал еще, глупый, — с напускным безразличием отмахнулся Ли Сы, хотя в душе гордился сыном. — Ему всё в диковинку, вот и лезет везде.

— Это точно. Как зашли в ворота, так его и след простыл.

Ли Сы лишь усмехнулся про себя. В деревне каждый знал, какой сорванец его сын. Сейчас деревенские мальчишки гурьбой бегают за Гоуданем, но их родители почему-то помалкивают о баловстве собственных чад. Всё дело в том, что Гоудань уродился отчаянным: за словом в карман не лез, мог и взрослому дерзко ответить, из-за чего его в деревне недолюбливали. А теперь он и вовсе стал заводилой среди местной детворы — слишком уж приметный парень.

Люди ведь всегда обсуждают того, кто на виду, обделяя вниманием остальных. Сам Ли Сы совладать с сыном не мог, но в глубине души радовался такому характеру: по крайней мере, паренька никто не посмеет обидеть. Огорчало лишь одно — Гоудань рос единственным ребенком. Если случится серьезная стычка, за него некому будет заступиться.

В деревне ведь как: у кого братьев много, тот и прав, у того и спина прикрыта. Ладили бы с двоюродными братьями — те могли бы сойти за родных, но собственные родственники Ли Сы и слышать ничего не хотели о Гоудане. Старая госпожа Ли спала и видела, как бы выселить их с сыном из семейного гнезда, никто за них заступаться не собирался. Те немногие родственники, что изредка перекидывались с Ли Сы парой слов, делали это лишь потому, что он был безотказным работягой.

Стоило матери заговорить о том, чтобы выгнать их без гроша в кармане, как братья тут же затыкались. До сих пор родные родители ни разу не позвали Гоуданя к себе за стол. Ладно уж его, Ли Сы, они ни во что не ставили. Но ведь Гоудань — их внук, продолжатель рода Ли! Неужели на праздники нельзя было усадить мальчишку пообедать?

Ли Сы вздохнул.

«Будь у меня самого столько сыновей, я бы каждого любил одинаково».

Двоюродных братьев у Гоуданя хватало, вот только проку от них в будущем не предвиделось. Лишь бы родня не принялась травить его единственного сына, когда тот подрастет. С этой стороны решение приютить Ван Сюаня казалось Ли Сы всё более верным: мальчишки станут опорой друг другу, и в трудную минуту Гоудань не останется один на один со своей бедой.

Мечты Ли Сы о будущем сына не простирались дальше его собственного скромного крестьянского опыта. Пределом мечтаний в деревне считался добротный кирпичный дом на несколько комнат, ежедневная миска жидкой каши на столе, да чтобы изредка удавалось поесть досыта риса и отведать мяса. О лучшей доле он и помыслить не смел.

Рядом с ними шагал неженатый паренек лет семнадцати-восемнадцати. В таком возрасте у парней аппетит зверский, а скудные припасы, которые он пытался растянуть на весь день, закончились еще в обед. Впереди оставалась добрая половина пути, и дома они окажутся разве что глубокой ночью. Заметив, как Гоудань с Ван Сюанем уплетают черные кукурузные лепешки, парень завистливо сглотнул слюну.

— Чего это вы только сейчас за еду взялись? Неужто раньше не проголодались? — спросил он, пытаясь казаться непринужденным.

— Да голодные мы, — пожал плечами Гоудань. — Просто закрутились как-то. Город такой огромный, никак весь обойти не могли.

— Тоже мне выдумали! Ждать, пока весь город обойдете! Зачем себя так мучить-то?

Гоудань сделал вид, будто не расслышал, как сиротливо урчит чужой живот, и молча зашагал дальше. Мужики торопились изо всех сил, стремясь добраться до дома засветло, поэтому шагали размашисто и быстро. Ребятам приходилось буквально на ходу запихивать в себя еду и пить мелкими глотками, чтобы не поперхнуться. Парень понимал, что кланчить еду у детей стыдно, хотя у Гоуданя в руке оставалась еще половина лепешки. Юношеская гордость не позволяла просить, поэтому он лишь продолжал болтать, глуша голод холодной водой из фляги.

Остальные путники тоже шли налегке: у кого-то в кармане сиротливо лежал черствый кусок хлеба, отложенный на крайний случай, но делиться им никто не спешил. В деревне каждую крошку берегли — подсушивали, разогревали, ничего не выбрасывали. Тот, кто хоть раз познал настоящий голод, относился к еде с ревнивой скупостью.

Ван Сюань по натуре был мягче и жалостливее — недаром всегда делился лакомыми кусочками с псами. Но при взрослых отдавать свою еду чужому парню он не решался. Опустив голову, он принялся торопливо запихивать остатки лепешки за обе щеки, чтобы побыстрее закончить и не смущать голодного попутчика. В итоге он так торопился, что едва не подавился, смешно кашляя и хлопая глазами.

Солнце медленно закатилось за горизонт, оставив на пыльной дороге блеклые отсветы уходящего дня. Гул уездных тракторов смолк в отдалении, и лишь невидимые пичуги в придорожных кустах шумно устраивались на ночлег. Дорога казалась бесконечной и зловещей в своей тишине. Разговоры утихли: люди выбились из сил и спешили поймать последние мгновения сумерек, чтобы пройти как можно дальше.

Когда угасла последняя бледная полоса на западе, небо усыпали мириады звезд. Но в безлунную ночь даже от этого искрящегося великолепия не было никакого проку. Пыльный проселок в темноте казался едва различимой серой лентой. Путники старались держаться этой тусклой полосы, чтобы не сойти с тропы и не заплутать в колючих придорожных зарослях.

Когда сгустилась кромешная тьма и идти пришлось буквально на ощупь, староста деревни и еще двое мужиков наконец решились зажечь фонари. Лучи были слабыми, желтушными — то ли батарейки садились, то ли сами приборы отслужили свое, но рассмотреть дорогу под ногами они все же помогали.

Слабый свет направляли в основном под ноги мулам и волам, запряженным в телеги. В глухой темноте скотина нервничала, упрячилась и наотрез отказывалась идти вперед, а некоторые животные и вовсе норовили вырваться из упряжи или улечься прямо в грязь. С появлением света опытные погонщики смогли навести порядок и продолжить путь. Те, кто шел позади, не видели почти ничего, кроме зыбкого светового круга впереди, и безмолвно брели следом за повозками. Пустые корзины и коромысла давно погрузили на телеги, но уставшим людям садиться туда строго-настрого запрещалось.

По мере приближения к жилью люди один за другим сворачивали к своим домам. Деревня Сикань находилась не на самом краю уезда, но и близкой ее назвать было нельзя. К тому моменту, как маленькая группа добралась до родных мест, на улицах не осталось ни души — лишь сонный лай собак нарушал глухую полночь.

Будь у них с собой часы, они бы увидели, что стрелка близится к девяти вечера. Но для крестьян, привыкших вставать с первыми петухами и ложиться с закатом, этот час казался глубокой ночью.

В других домах усталых хозяев встречали жены или матери, затапливая печи и разогревая нехитрый ужин. Но в жилище Ли Сы все трое уходили вместе, и теперь, когда они вернулись в холодную избу, даже спичек под рукой не оказалось, чтобы разжечь огонь. Гоудань выудил со дна сумки последние две пресные кукурузные лепешки: одну отдал отцу, а вторую они поделили пополам с Ван Сюанем. Запив сухой паек колодезной водой, они улеглись спать. Собакам еды тоже не досталось.

Нехитрый быт не предполагал долгих омовений после дороги. Сбросив пыльную, пропотевшую одежду, больше похожую на старые тряпки, отец и сыновья повалились на кан. Спустя пару минут в темной комнате раздался мерный, тяжелый храп.

Мальчишки спали крепко и сладко, а вот Ли Сы поднялся еще затемно. Керосиновую лампу он жечь поберег. Прижав к груди две сухие плашки, он отправился к соседям, у которых в окнах уже брезжил свет, чтобы раздобыть огня. Сосед поделился тлеющим угольком, который Ли Сы бережно перенес домой и принялся усердно раздувать с помощью пучка сухой соломы, пока из нее не вырвался робкий язычок пламени. Иногда крестьяне поступали проще — вытаскивали из чужого очага уже разгоревшуюся щепку, но взамен обязательно клали свое полено. Брать огонь задаром и разорять чужую печь считалось верхом неприличия, ведь дрова в деревне ценились на вес золота.

Когда в печи весело затрещало пламя, Ли Сы водрузил на нее котелок с водой и, пока рассвет только занимался, успел сделать несколько мелких дел по хозяйству.

К тому моменту, как Гоудань, мучимый жаждой, соскреб себя с постели, Ван Сюань уже успел сносить гору грязного белья к речке и замочить его в проточной воде, придавив тяжелыми речными камнями. Вернувшись, он срезал в огороде пучок свежего зеленого лука и несколько листьев капусты, сварил простой суп и выставил миску на стол.

Пока Гоудань, лениво позевывая, мочился на чахлый куст у забора, Ван Сюань как раз заканчивал подметать внутренний дворик.

— А отец где? — спросил Гоудань, затягивая штаны.

— В поле ушел, — отозвался А-Сюань.

— Ясно.

В деревне бездельничать не привыкли. Даже суровой зимой крестьян сгоняли на строительство водохранилищ и ремонт каналов, а уж в разгар лета перевести дух и вовсе считалось непозволительной роскошью.

— Поедим — я тебе кое-что покажу, — заговорщически прошептал Гоудань, присаживаясь к столу.

— Что там у тебя? — любопытствовал Ван Сюань, зажав палочки для еды в зубах.

— Позже увидишь. Помнишь, когда мы улепетывали из универсама, я потом вернулся искать отца?..

Гоудань в общих чертах пересказал другу свою встречу с Лю Шуньцзе. Ван Сюань слушал раскрыв рот, глядя на названного брата с немым восхищением: надо же, какой Гоудань смелый и находчивый!

Немного подумав, А-Сюань спросил:

— Слушай, а если бы ты его сдал, что бы тебе милиционеры дали? Наградили бы как-нибудь?

— Да кто их знает, — хмыкнул Гоудань. — Тот мужик говорил, что в лучшем случае похвалили бы разок. А то и вовсе слушать бы не стали, списали бы всё на детские выдумки.

— Ну, тогда и правда лучше было его отпустить и деньги поделить. Так честнее.

Гоудань согласно кивнул:

— Вот и я так подумал! Так что я его отпустил. А он оказался человеком слова, честно отдал мне половину. Прорву деньжищ! Я тебе говорю, я в жизни столько денег разом не видел.

Поскольку Ли Сы целыми днями пропадал на работе и воспитывал детей так же, как когда-то воспитывали его самого — лишь бы были сыты и живы, — ни о какой высокой морали мальчишки не слышали. Ни Гоуданю, ни Ван Сюаню даже в голову не приходило задумываться о том, правильно ли они поступили, забрав долю у спекулянта. Вчерашний страх перед уездной милицией давно улетучился, уступив место сладостному предвкушению богатства.

Ван Сюань плотно прикрыл входную дверь и задвинул тяжелый деревянный засов. Сгорая от любопытства, он забрался с ногами на кан и принялся потирать ладошки, пока Гоудань бережно доставал из сумки смятые купюры и талоны, наваленные туда накануне в спешке. Счастье еще, что Ли Сы никогда не совал нос в вещи сына и даже не подумал заглянуть в его старый портфель, который так и провисел всю ночь на гвозде у края постели. Увидь он это богатство — его бы точно удар хватил.

— Ого, как много! — выдохнул А-Сюань. — Гляди, тут и по пять мао есть, и по пять юаней. О, эти я знаю!

Гоудань как-то видел пятиюаневую бумажку, когда отец брал ссуду в производственной бригаде.

— А вот эти самые большие, синие — это червонцы, по десять юаней! — с гордостью пояснил Гоудань, раскладывая перед другом хрустящие купюры.

Помимо денег на постели пестрели разнообразные талоны и квитанции. Назначение некоторых они могли разобрать по написанным иероглифам, но большая часть оставалась для деревенских мальчишек полной загадкой.

— Ладно, бумажки пока отложим в сторону. Сначала сосчитаем деньги!

Лю Шуньцзе поначалу выгребал из карманов мелкие купюры по несколько мао, и лишь под конец достал крупные ассигнации. Когда он отдавал долю Гоуданю, то отсчитал ровно половину червонцев, а всю мелочь сдал без остатка. Вчера торговец находился в безвыходном положении и спешил унести ноги, иначе ни за что не расстался бы с нажитым добром так легко. К тому же, Гоуданю несказанно повезло, что он не жил в городе. У таких дельцов, как Лю Шуньцзе, всегда полно дружков и связей — прознай они, чей это малец, у Гоуданя начались бы крупные неприятности. Лю Шуньцзе расплатился так легко еще и потому, что надеялся выследить сорванца позже и вернуть свое вдвойне, а то и впятеро больше.

Но ушлый спекулянт просчитался: Гоудань мог не появляться в уездном городе годами. Ищи ветра в поле! А через несколько лет мальчишка вырастет, возмужает, и узнать его в толпе будет решительно невозможно.

Ли Сы трудился в поле и даже не подозревал, что дома его сорванцы сосредоточенно пересчитывают целое состояние. Мальчики несколько раз проверили сумму, сбиваясь и начиная заново, пока окончательно не сошлись на цифре — чуть больше семисот юаней!

— Вот же богатей! — покачал головой Гоудань. — А ведь лапшу мне на уши вешал, будто у него в семье кто-то сильно заболел и лечить не на что.

На самом деле это были сбережения, которые Лю Шуньцзе копил почти восемь лет, занимаясь незаконной торговлей и спекуляцией. По сути, парнишка лишил его всего накопленного капитала.

— И ты ему поверил? — спросил Ван Сюань.

— Поверил, — невозмутимо отозвался Гоудань. — Только мне-то какое дело? У меня все равно лишних денег нет, чтобы ему одалживать.

Гоудань весело обмахнулся веером из новеньких купюр. Богатство, конечно, радовало, но деревенские сироты слабо представляли себе истинную ценность семисот юаней. Для них эта сумма означала лишь одно — теперь они могут досыта наесться мяса.

— Давай приберем всё обратно. Оставим снаружи только пару юаней мелочью на расходы, — распорядился Гоудань, который за время обладания пространственным карманом стал настоящим мастером конспирации. Для него не существовало места надежнее, чем их тайное сокровище.

— Поделим пополам, вот твоя доля.

Ван Сюань отказываться не стал и с радостной улыбкой забрал причитающееся. В его

понимании они с Гоуданем давно были одной семьей, и Гоудань частенько отдавал ему вещи на хранение в пространственный карман. Их сбережения были общими: сегодня Гоудань раздобыл денег и поделился с ним, а завтра, когда А-Сюань сам научится зарабатывать или найдет что-нибудь ценное, он точно так же всё отдаст старшему брату. Всё честно и правильно.

Разобравшись с наличностью, ребята принялись сортировать талоны. Те, чье назначение они понимали, откладывали в одну сторону, а незнакомые бумажки раскладывали по цветам. Всё это богатство Гоудань велел прибрать Ван Сюаню. Пространственный карман А-Сюаня содержал в себе строгий порядок: там хранились редкие лекарственные травы, ступки и весы для приготовления снадобий, готовые порошки, медицинские свитки и личные записи.

Зато в пространственном кармане Гоуданя царил первозданный хаос. Там бок о бок с оружием лежали бесполезные золотые и серебряные побрякушки, горы непонятных старых вещей и куча всякой всячины, в которой сам хозяин до сих пор не удосужился как следует разобраться.

<http://bllate.org/book/19654/1996716>